Сказ о Владе-Вороне

В когтях судьбы
Крылья рока вьют.
Ворон знает путь

18+

Светлана Кузнецова

Пути Ярилы

Светлана Кузнецова

Сказ о Владе-вороне

«Издательство АСТ»
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузнецова С.

Сказ о Владе-вороне / С. Кузнецова — «Издательство АСТ», 2025 — (Пути Ярилы)

ISBN 978-5-17-177351-9

С раннего детства жил Влад в тереме киевского князя. Только не был счастлив ни единого дня: жил он невольником, что еще ребенком был продан князю во благо государства. Хоть и не терпел Влад лишений лютых, а жизнь его была сытой и размеренной, не знал он покоя. Звала его душа далеко-далеко… Только куда звала — не ведал, пока не повстречался с Кощеем Бессмертным, который, того не желая, указал Владу истинный путь. Путь этот оказался напрямую с Кощеем связан, и теперь жизнь Бессмертного зависит только от его верного ворона. Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-177351-9

© Кузнецова С., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Часть I 6
Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Светлана Кузнецова
Сказ о Владе-Вороне

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложку – REIST
Дизайн обложки – В. Давлетбаева

© Кузнецова С., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Часть I

Глава 1

Впервые Влад увидел Кощея в детстве. Только и запомнил стать молодецкую да широкий размах плеч. Девки в тереме, правда, иное подмечали и только о том и судачили пестрыми сороками: пояс узкий, чуть ли не девичий, волосы черные, взглянет – ноги откажут, а слово молвит – заслушаешься. Красив был Кощей – то всяк признавал, кто не завидовал. А кто завидовал, язык распускать опасался. Сказывали, будто Кощей – колдун, каких поискать. Такому порчу навести – что сплюнуть. А кроме этого – воин, которому дороги лучше не заступать, коли головы лишиться не желаешь.

В тереме говорили, приплыл он из-за моря-океана на трех невиданных доселе ладьях со змеиными головами. Чем-то ладьи походили на драккары варяжские, однако борта их на

солнце отливали серебром, а парусов и в помине не было: не под силой ветра шли, а благодаря колдунству чужеземному. Еще сказывали – богат Кощей безмерно: дворец его, сплошь из хрусталя, спрятан в Синих горах, во дворе растет яблоня с молодильными яблоками, а на верхушке ее сидит Жар-птица. Кто-то, правда, уверял – то дуб мокрецкий, но Влад не верил: на дубу не родятся яблоки, а желуди на вкус – та еще гадость. Не верил он по малости лет, что есть их можно, даже ради бессмертия.

Влад столкнулся с ним всего однажды. Он тогда пробрался в княжескую горницу и случайно разбил чашу с квасом. Непростая то была чаша: кто из нее отопьет, солгать не сможет. Князь наверняка специально приготовил ее для гостя. Владу же попросту хотелось посмотреть на узор, прочитать замысловатые руны – взял в руки, а та возьми да и выскользни.

Испугался Влад не на шутку. Конечно, он и сам не простого роду – вряд ли за проступок его выпорют на главной площади при всем честном народе, но и не спустят. Влад киевскому правителю не сын и даже не дитя побратима. Заложник он, третий сын князя Олега, отданный по договору в обучение: пока живет здесь – война не начнется, а обращаться с ним станут со всеми почестями. Только ведь чашу из самого Константинополя везли, заговоренную злым волхвом чужой веры.

Из горницы Влад не уходил: сидел возле черепков, чтобы не дать слабины и сразу сознаться в случившемся. А то очень уж сбежать хотелось и спрятаться в первом попавшемся темном углу. Разбередил себе душу вконец, думал, лучше бы все разрешилось уже. Когда раздались шаги, сжал кулаки и поднялся с пола, да пришел вовсе не князь.

Отворились двери, и раздался зычный голос одного из бояр:

– Просим здеся обождать. Красно Солнышко скорехонько сам будет.

Короткое «благодарю», легкие быстрые шаги, а затем двери закрылись, оставляя гостя в одиночестве, не считая столбом застывшего Влада.

– Так-так… – протянул Кощей, склонил голову к плечу и принялся его разглядывать, потом подошел почти вплотную и присел перед Владом на корточки.

Странные у него оказались глаза. Раньше Влад полагал, что Кощей родом из восточных племен: волосы цвета воронова крыла, да и ресницы с бровями – мгла кромешная. Издали и взор черным казался, а вот сейчас посмотрел вблизи: взгляд стальной, обжигающий, а в глубине так и сверкают синие искры.

– И кто ж ты есть, добрый молодец? – спросил Кощей со скрытым смехом в голосе.

В тереме говаривали, нельзя чародею имени своего раскрывать, даже того, с каким среди людей ходишь, а истинное – тем более. Только оно почему-то само с языка спрыгнуло.

– Ворон, – проронил он и вздрогнул. – То есть Влад! Влад я, сын князя Олега, русич! Влад!

– Тсс… – Кощей улыбнулся уголками губ, глазами сверкнул, но не страшно, а весело. – Не кричи, добрый молодец, нам же не нужно, чтобы стража сбежалась?

Влад закрыл ладонями рот и замотал головой.

– Вот и ладненько, – похвалил Кощей. – И… Влад так Влад, я ж не спорю.

Затем он протянул руку к одному из черепков, но не дотронулся совсем чуть-чуть – отдернул, словно от змеищи ядовитой.

– А ведь ты спас меня, Влад. Чаша-то зачарована, – произнес он задумчиво. – Колдовство чужое, черное и скрытое, я мог бы и не заметить, если бы не ты.

– Она лгать не позволяет.

– Да ну? Кто тебе эту чушь сказал?! – рассердился Кощей.

Влад аж подпрыгнул на месте и пролепетал:

– В тереме говаривали…

– Чего только в ваших теремах не наслушаешься, – фыркнул Кощей. – Наверняка и обо мне плетут, как двор метут. Мой тебе совет, – длинный узловатый палец коснулся лба Влада над переносицей, – слушать слушай, но на веру не принимай, думай лишь своим умом. Понял?

Влад кивнул. Прикосновение исчезло.

– Волхвов, ложь видящих, у твоего князя более дюжины, да и сам Златоуст непрост. Ни к чему ему еще и чаша такая, – снизошел до объяснений Кощей. – Здесь же заложено совершенно иное колдовство. Воли чаша лишает всякого из нее отпившего: людей сильных – на чуть совсем, но иной раз большего и не нужно, – он снова протянул руку, на этот раз дернув Влада за темно-русую прядь. – Не киевского ты роду-племени, верно?

– Верно, – откликнулся Влад со вздохом и подумал: не пил ли отец из чаши этой, когда соглашался отдать его в заложники? Говаривали, раньше князь Олег никогда не разбрасывался своей кровью.

«Людей сильных – на чуть совсем, но иной раз большего и не нужно», – повторил он про себя слова Кощея и заявил во всеуслышание:

– Значит, правильно все!

– Что именно?

– Не просто я оплошность совершил, колдунство мерзкое чужеземное порушил. Теперь и лишения терпеть сподручней станет, – ответил Влад, задумался и добавил гораздо тише: – Только когда чашу бил, я о том не думал.

– Ни дать ни взять, герой! – хмыкнул Кощей. – Молоко на губах не обсохло, а туда же.

Влад насупился, но долго злиться не стал: правда ведь.

– Зря намекаешь на то, будто я ничем тебе не обязан. Все в этом мире связано. И ты явился сюда – такой замечательный, смышленый, с умением скрытое видеть, хоть о том и не ведаешь, – тоже неслучайно, – сказал Кощей, повел пальцами в воздухе: черепки словно ожили, поползли друг к другу, срастаясь. Стала чаша прежней с виду, однако, заговоров, на чужом языке написанных, больше на ней не было.

– Спасибо!

– А сила-то немалая, раз византийская пакость от тебя сама шарахнулась, – сказал Кощей, благодарности, похоже, не услышав; оглядел Влада снова, уже внимательнее, и посоветовал: – Когда сильнее проявляться начнет, к волхву не ходи. Не сумеет он тебя вырастить, а если обучать возьмется – изломает всего.

– П-почему? – вырвалось у Влада.

– Златоуст за тебя сам не возьмется, кому попроще отдаст. Волхвы же в большинстве своем колдуны сплошные, в травах да обрядах силу черпают, чурбанам бездуховным молятся и полагают, будто через них разговаривают с богами. У тебя же сила от сердца идет, из самой глубины души и потаенной сути. Магом тебе прозываться бы, да в Киеве не ведают слова такого. В наставники тебе нужен настоящий чародей.

Влад нахмурился. Не знал он до этого никого сильнее главного волхва Златоуста. Тот, казалось, все мог, даже тучи перед сбором урожая разогнать, дабы ни капли из них не пролилось.

– Колдун никогда не сумеет обучить пользоваться внутренней силой, – не позволив Владу перечить, произнес Кощей. – Ибо черпает ее из мира внешнего, заимствуя у камней, трав, ветра и солнца или других людей. А вот завистью черной воспылает – это уж точно. Не любят волхвы княжеские, когда ученики превосходят их в чем-либо: больно страшатся лишиться места хлебного в тереме высоком.

За время, что он говорил, чаша собрала в себя квас, разлитый по полу, да на прежнее место на столе прыгнула.

– Вот и все, – улыбнулся Кощей. – И заметь: больше эта пакость византийская никому худа не сделает, разве лишь князь недоволен окажется, но с тебя какой спрос? Понял ли ты мое объяснение, Влад, сын князя Олега?

– Понял. Не пойду к волхвам. Только где же мне найти чародея в наставники?

– Не тревожься, – Кощей мягко улыбнулся и погладил его по волосам. – Все придет чередом: почувствуешь, как я сам когда-то, а теперь ступай, – и в глазах сверкнул огонь цвета листьев, едва-едва родившихся из почек. Влад хотел спросить, когда же с ним все это случится, но ноги вынесли его за порог и не останавливались до самых покоев, а потом навалился сон. Влад проснулся лишь к вечеру следующего дня, напугав няньку почти до смерти.

Князь темнее тучи ходил, а бояре по углам шушукались, мол, Кощей оказался сильнее византийского кудесника, а значит, все разговоры о вере в восточного бога – чушь, и не нужна она на Руси. А уж когда какой-то заезжий богатырь, отхлебнув кваса из чаши, отказался идти в княжескую дружину за одни лишь почет и уважение, князь сам разбил ее вдребезги и даже хотел идти войной на Константинополь. Вовремя бояре отговорили его, подсчитав необходимые траты для снаряжения войска и схватившись за бороды.

…С тех пор минуло лет десять. Из отрока превратился Влад в юношу, учился ратному мастерству, а волхвам лишний раз старался не попадаться на глаза – на всякий случай: помнил совет Кощея. Сам чародей в Киев приезжал, да больше не заглядывал в княжеский терем. Пару раз видел его Влад на Сенной улице: скакал он на вороном коне, огромном да злющем, словно демон арийский. Ничуть не изменился внешне, только волосы до пояса отрастил и носил распущенными, а не завязывал в хвост и не заплетал в косу по-печенегски.

В полном светловолосых людей Киеве выделялся он разительно, однако гордился своей инаковостью. А глядя на него, перестал переживать из-за внешности и Влад. Он ведь тоже нездешний. Еще в пятнадцать вымахал на голову выше князя, а в телосложении оказался тонок, даже изящен. Старая нянька все вздыхала да малохольным кликала, а бояре шутили, мол, не в коня корм. Темным цветом волос не походил Влад ни на кого в княжеском тереме, и если с мальчонки спрос невелик, то на юношу уже косились не по-доброму. Чужеродных киевляне привечали лишь на словах, а на деле подозревали во всех бедах, предательствах да сглазе-порче.

– Ночь совершеннолетия наступит, – повторял ему князь, и чем ближе к празднику зрелости, тем чаще, – тогда и свободным ты станешь от договора, мной и отцом твоим, князем Олегом, заключенного. Да только ведь и покровительству моему настанет конец, а нужен ли ты отцу спустя столько лет?

Влад на эти слова пожимал плечами. От отца он не получал никаких вестей, но и в Киеве оставаться не хотел.

А князь все гнул свое:

– На празднике ты в дружину и попросишься, кровь на угли костра прольешь, клятву принесешь, а я приму – как не принять, ты ж в тереме моем вырос, – и станешь ты богатырем русским.

Влад не отвечал ни да ни нет, пусть и видел, что князю не нравится молчание. Если и занимало его недовольство, то не особенно, гораздо сильнее радовало Влада исполнившееся Кощеево обещание: сначала сны явились странные, все внутри переворачивающие, зовущие за виднокрай и далее, а потом проснулась сила. Влад мог лучину в горнице запалить взглядом, а запершись в опочивальне, оставив тело свое человеческое как бы спать, сам же носился в небе черным вороном. Именно в этом обличии приходили к нему пророчества и видения; казалось, он все про всех знает и даже если к самому солнцу поднимется – не опалит крыльев, а в Правь попадет и побеседует с богами.

Очень хотелось ему Кощея отыскать – хоть в человеческом облике, хоть в птичьем, – но тот, видно, сильный отворот на себя навел. Множество раз, завидев издали черного всадника,

отправлялся Влад к нему навстречу, да только на полпути забывал напрочь, к кому шел и что желал, а Кощей тем временем уже за его спиной оказывался.

Ох и гневался же Влад на подобные уловки и нет-нет, а в сердцах невольно желал Кощею плохого. Самому чародею точно от того не делалось ни тепло, ни холодно: кроме Влада, зла ему желал и сам князь, и его волхвы, и бояре – скопом и по отдельности, да и простой люд поминал крепким словом – не получалось у них ничего. Впрочем, если не колдунством смертным, то молвой черной окутать его вполне вышло. Каких только ни ходило слухов по Киеву.

За силу и стать молодецкую, не ушедшие с годами, принялись величать Кощея Бессмертным. Поговаривали, вид его, глазу лепый, – лишь морок. На самом же деле Кощей – высохший старик, живущий на свете невесть сколько лет. Утверждали, вовсе не за морем владения его находятся, а в Нави. Хрустальный дворец, мол, охраняют тридцать богатырок, сплошь его дочерей, под предводительством синеглазой царевны, не отыщется для которой среди мужей достойного поединщика. Сказывали, отвернулись от Кощея сами боги, а потому сына зачать ему не удастся никогда. Впрочем, ему и не надобно: к чему сын тому, кто ни старости, ни смерти не ведает? А как подрастет и отцовых богатств возжелает?

Многое говорили, да только сам Кощей лишь посмеивался и улыбался широко, белоснежным оскалом сверкая. Влад дивился такому отношению, но и восхищался тоже. Он-то все больше в драку лез, стоило кому-нибудь его обидеть или косо посмотреть. Иногда – с тремя разом. Старая нянька тогда расстраивалась и слезы лила горькие, пророчила, будто забьют «дитятко» до смерти.

…Наступила весна, осталось Владу сидеть под опекой в Киеве всего полгодика.

Однажды на пиру подали ему чашу, по ободу которой шли письмена, очень похожие на те, какие видел в детстве. Влад поначалу не пил, а когда здравицу подняли и отказаться стало невозможно, разбил чашу, словно бы случайно. Ничего не сказал на это князь. Бояре лишь посмеялись над неуклюжестью, и нахмурился главный волхв Златоуст. С тех пор опасался Влад тешиться с тайной силой в тереме. Все казалось – следят за ним неустанно.

Рано утром седлал он коня и выезжал из города к реке или к лесу. Соглядатаев за ним поначалу посылали, а потом перестали. Видать, те сообщили князю, будто ничего странного не происходит, ни с кем Влад не встречается, бесед не ведет, а спит богатырским сном. По Киеву ползли слухи про недуг княжеского воспитанника да леность его, но если уж Кощей на срамную молву откровенно плевал да посмеивался, то и Влад худо-бедно научился внимания не обращать, а шепотков за спиной не слышать.

Кощей в то же время утер нос всем злословцам, а заодно и боярам (те совсем не прочь были с ним породниться и в чужие богатства руки загребущие запустить, несмотря на все байки да россказни), сосватав в жены Настасью, дочь купца Дмитрия. Сам же отбыл в свое царство – к свадьбе готовиться.

Владу тоже хотелось бы посмеяться над сплетниками, приписывающими Кощею невесть чего, да почему-то не выходило. Как узнал, принялась заедать его черная тоска. Почему – неведомо.

Вроде и считалась Настасья первой красавицей в Киеве, да только не понимал Влад выбора такого. Высока, стройна, русая коса до пояса, взгляд голубой и добрый, но дура дурой же! Одно слово – девка сенная. И в чистоте себя не блюла, то почти всем известно было. А не понесла еще ни разу, «невзначай выпив росинку или съев зернышко» после праздника Купала, лишь благодаря случайности да травкам, которыми потчевал ее сердобольный родитель совместно с мамками-няньками. Видя, как вздыхают по Настасье знакомые отроки и молодцы, Влад лишь хмыкал – даже драться пару раз пришлось, правда, не до крови: наставили друг другу синяков и разошлись, все равно никто не решился бы спорить с Кощеем за руку купеческой дочери.

Влад, носясь вороном в синей вышине, часто думал, что неправильно он свадьбу расстроить хочет и несчастья молодым желает. Разве волнует его эта девка? Точно нет! А Кощей? С чего бы вдруг, раз тот ему не сват, не брат и даже не побратим ратный? Не за склеенную же чашу да напутственное слово Влад желал уберечь его от эдакого семейного счастья?

Для себя старался – вот в чем правда. Кощей ему советовал к волхвам не ходить, а искать чародея в наставники. Влад и нашел: ближайшего, лучшего, никакого другого не надобно. Рассчитывал дождаться освобождения и уйти из княжеского терема, в ученики напроситься. Вот только кто ж возьмет его в дом, если рядом супруга красивая, молодая да ветреная, готовая не только с муженьком жаркие ночи проводить? Кощей точно от ворот поворот даст и укажет на все четыре стороны, которых на самом деле восемь. Тот и так-то знать его не желает, и чем дальше, тем яснее это становится.

Маялся Влад, злился, есть и пить перестал. А потом стряслась беда: то ли Влад ее накликал, то ли незваная явилась сама собою.

Приехал на двор к купцу Дмитрию заезжий богатырь – Иван сын Годиныч. Настасья воды ему подала, глаза потупивши, речи молвила ласковые, плечиком повела на прощание. Влад, сидя на заборе, только диву давался. Вот уж о ком говорят: ни стыда ни совести! Он даже каркнул от избытка чувств, а Иван обернулся и гаркнул:

– Эй, ты! Нечего здесь черную ворожбу мутить, волчья сыть! Завтра же она моей будет, – и замахнулся, подобрав с земли тяжелый камень.

Влад не успел взлететь – камень настиг раньше. Должен был перебить крыло, а возможно, лишить жизни, но произошло странное. Коснувшись черного оперения, рассыпался он песком. У Влада от неожиданности и неверия помутилось перед глазами. Иван Годиныч раскрыл рот да перекрестился (видать, в Византии чужеродную веру принял).

Слышал Влад проповедников, приезжавших в княжий терем, вели они льстивые речи о том, как справедлив и милосерден их единый бог. Да только сами лживы были, что деготь черен, мечтали если не покорить Русь силой мечей, то через веру, людям русским чуждую. Иван Годиныч тоже богатырем лишь прикидывался, много зла за свои немногие лета сделал и еще больше собирался, однако именно сейчас и именно Влад мог помешать этому.

– Нет уж! – выкрикнул он. Иван Годиныч вмиг с лица спал. – Видят боги, не творил я злой волшбы, не призывал несчастий на твою голову. Но раз уж ты первым решил меня жизни лишить, знай: не бывать тебе мужем красной девицы, а коль не отступишься – убитым в землю ляжешь!

Каркнул он напоследок и сорвался в небо. Сердце маленькое птичье металось так, будто разорваться собралось, перед глазами все кружилось, в голове туманилось. Казалось, забыл он самого себя. Очнулся на закате, поднялся с трудом, только конь и спас: подошел, преклонил колени и смирно ждал, когда заберется. По пути Владу снова сделалось дурно. Вроде помнил, как старался держать спину прямо, в городские ворота въезжая, а в следующий миг уже падал на руки стражам подле крыльца княжеского терема.

Глава 2

– Вот, посмотри на своего малохольного, – высказывал князь няньке тем же вечером. – Как я его в дружину возьму, если он с коня валится?

– Не пойду я в дружину твою, князь, – отозвался Влад, с трудом приподнявшись на локте. Он не хотел говорить, да словно кто за язык потянул. – Уеду сразу после праздника совершеннолетия.

– Для начала я тебя отпустить должен, – князь нахмурился, сощурился нехорошо, окинул долгим взглядом и ушел.

– Зря ты, чадушко, отказал прямо да резко, – прошамкала нянька, когда закрылась за ним дверь. – Князь наш злопамятен и очень не любит, когда не по-егойному делается. Молчал бы уж лучше, как раньше, – может, и сумел бы уехать.

– Не могу молчать, – прошептал Влад. – И врать не в силах, хоть режь. Если слышу неправду, рот открывается словно сам собою.

– Ай, не сглазил ли кто?! – ужаснулась нянька, положила руку на лоб, головой покачала.

– Скорее, сам виноват, – проронил Влад и взмолился: – Только не спрашивай, как умудрился. Прошу! Я ж отвечу сейчас, а тебе с того лишь горе будет.

– Не тебе меня, старую, горем пугать, – проворчала нянька. – Но так уж и быть, не стану выспрашивать для твоего же успокоенья. Ты смотри, побледнел, будто умертвие. Я ж тебя с младенчества растила, нашел кого бояться. На вот, попей лучше. Травки заговоренные, всю хворь из тебя выпустят.

Она поднесла чашу. В руки не дала – видать, подозревала, что не удержит. В губы уперся твердый обод чаши, и Влад не стал противиться. Зелье оказалось на удивление приятным, со вкусом земляники и кислицы с клюквой, а больше ничего распознать он не сумел.

– А вообще хорошо, что ты в горенке отлеживаешься, – заметила нянька. – Ты ж, сокол мой, всюду летаешь, а в Киеве нынче приключилась беда великая.

Влад попробовал сесть, но руки в локтях подломились, а голова кругом пошла.

– Лежи! – прикрикнула нянька. – И так расскажу, без твоих очередных подвигов.

Влад вздохнул и лег удобнее.

– Сказывай.

– Значит, посватался вечером к дочке купеческой, Настасье, Иван Годиныч, да Дмитрий ему от ворот поворот дал, сказал – мужем ее будет сам Кощей Бессмертный, поскольку слово купеческое крепкое, а договор дороже денег, – начала нянька. – Потом, конечно, смирился, решил у дочки спросить, кто ей более люб.

– А она? – вмиг севшим голосом проговорил Влад, тайно надеясь, что все у Настасьи с богатырем сладилось, а Кощей… Может, взъярился, с Дмитрием поссорился, терем ему пожег и уехал из Киева, но по-прежнему свободен как ветер в поле. Раз свободен, то Влад его непременно отыщет и в ученики попросится, уговорит-убедит под руку принять.

– А что с нее взять? – продолжала нянька. – На лицо смазлива, в голове воет вьюга, а нутро – гнилое. Все равно за кого идти. Она и в девках гуляла, и при муже собиралась. Кощея, правда, побаивалась немного: чародей все-таки. Да только Годиныч не столь богат, у него хрустального замка нет. Опять же слово батюшкино дадено – осерчает еще. Решила она идти за Кощея, о чем и сказала, но так, чтобы и Годинычу не отказать: мол, не вольна я, не могу отцу перечить.

– Ох, нянюшка, неужто все девицы в Киеве такие? – проронил Влад.

– Девицы не такие, – наставительно проговорила та, – вот девки – случаются, а Настасья сама не особо и виновата, уму-разуму ее никто не учил. Дмитрий постоянно повторял, что ума бабе не надобно: коли сарафан красный да побрякушки на шее и в ушах, и так сладится все.

Добрые да умные, мол, лишь в сказках, да еще те, которые ничем иным мужика прельстить не в состоянии, а любовь вообще выдумали кощуны.

– Князь только о том и говорит, – заметил Влад, – но Забава не слушает.

– Забава – гадючка умная и жаждет сама сесть княгиней в Киеве, – тихо-тихо произнесла нянька, лишь по губам прочитать и удалось. – Настька – нет. К тому же Забава – племянница, это другое несколько. Ты вот князя тоже не слишком слушаешь.

– Я все же в неволе здесь, – напомнил Влад.

– Вот-вот, – покивала нянька, – и если с тобой сейчас что случится, войны не избежать. Да только ровно до восемнадцати годков, потом и воля, и все остальное – в твоих руках. Как разожгут в лесу большой костер, а там станешь ты либо дружинником княжьим, либо ляжешь в землю.

Влад вздрогнул.

– Однако если устоишь и продержишься до рассвета – не тронет тебя князь, – сказала нянька. – Вступятся за тебя совсем иные силы и защитники.

– Какие?..

Тишина стала ответом, повисла под потолком хмарью тяжелой.

– Какие?.. – переспросил Влад, но так и не получил ответа.

– Много будешь знать скоро состаришься, – фыркнула нянька. – Узнаешь в свое время, а теперь спи.

– Постой, – Влад ухватил ее за руку, хотя веки уже начали наливаться чугуном. – Дорасскажи про невесту Кощея.

– Да было бы о ком! – нянька в сердцах сплюнула прямо на чистый пол. – Осерчал Годиныч и той же ночью сжег терем Дмитрия, а Настасью с собой увез. Дмитрий, правда, уцелел и наверняка весточку Кощею отослал. Вот. Дальше неведомо, спи.

Глаза закрылись сами собой, и Влад мгновенно во сне очутился. Оказался тот странным – слишком реальным.

Вокруг высились деревья, впереди раскинулся широкий луг с ручьем да озерцом круглым, словно тарелочка. Влад ощущал гарь от костра, холодный ветер трепал его крылья. В образе ворона, уже привычном и любимом, сидел он на ветке дерева, а внизу происходило паскудство.

Настасья сначала отбивалась, показывая, будто не желает полюбовника. Вырвавшись, кругами бегала, подол задирая намного выше, чем требовалось, хохотала звонко, когда Годиныч никак поймать не мог. На траве оскальзываясь, потом кошкой выгибалась да выла в голос, ноги раздвигая, прося не останавливаться, и называла Годиныча по имени. Тот рычал по-звериному, запускал пальцы в косу расплетенную, покрывал поцелуями кожу белую.

Любой птице или зверю безразлично совокупление человеческое, ворон и относился к этому ровно, зато Влад места себе не находил. И смотреть тошно, а взгляд отведешь – на душе делается еще муторнее. И взлететь неймется – если не убить обоих, то когтями исцарапать – да не выходит, будто смола лапы залила и к коре приклеила намертво.

«Что же выходит?.. – подумал Влад. – Я переживаю из-за Кощея? Его обманули, а у меня весь мир встал с ног на голову? Но это же неправильно, ведь я…»

Додумать он не успел. Дрогнула земля, и словно из ниоткуда возник на лугу вороной конь. Кощей оглядел происходящее, лицом грознее тучи и темнее ночи сделался, спрыгнул с седла, меч выхватил и к полюбовникам направился. Годиныч его не видел, зато Настасья глаза распахнула, рот раскрыла да заорала, будто кипятком ошпаренная. Тогда и Годиныч очухался, с нее скатился, первым делом потянулся к оружию.

– Уд прикрой, я подожду, – бросил ему Кощей. Рукой взмахнул и опустился на хрустальный трон, возникший подле него прямо из воздуха.

Годиныч от вида такого рассвирепел вконец, порты наскоро поправил и кинулся на Кощея, а тот сидел спокойно и молча наблюдал, пристроив меч на коленях.

– Дерись же! – Влад сам не понял, как вырвались из горла слова. Ядом разлилась боль в груди, сердце забилось раненым зверем, крылья сами собой расправились. Но когда он уже почти с ветки сорвался, чтобы если не заклевать Годиныча, то хотя бы прикрыть Кощея собственным телом, тот вскинул меч.

Клинки столкнулись и зазвенели. Годиныч держал оружие обеими руками и стоял, нависая над Кощеем. У того меч был немногим короче, однако управлялся с ним Кощей одной левой, по-прежнему сидел и улыбался одной стороной рта.

– Ворог проклятый, колдун бессердечный! – пропыхтел Годиныч, отступая и примериваясь, чтобы нанести удар сподручнее.

– Врешь. Сердце у меня, как у всех, в груди бьется, – ответил Кощей, – и от предательства больно ему нисколько не меньше, нежели любому другому.

– Значит, я вырву его, наземь кину и растопчу!

– Как кровожадно… – протянул Кощей и покачал головой. – Что ж я сделал тебе такого, добрый молодец, раз ты вначале невесту мою умыкнул, а потом и меня извести захотел?

– Не бывать тебе, проклятому, в Киеве!

Кощей перестал улыбаться, поднялся с трона, тотчас же растворившегося в воздухе, словно его и не было, играючи отбил очередной удар Годиныча и спросил:

– А не князь ли послал тебя бесчинствовать? Я же знаю, давно не дают ему покоя мои корабли.

Ничего не сказал Годиныч, только челюсти стиснул и снова кинулся на Кощея. Тот уклонился с легкостью, пропустил богатыря мимо, подножку поставил да ускорения придал, шлепнув клинком плашмя чуть пониже спины.

– Так как? Может, расскажешь все же? – спросил он насмешливо. – Я никуда не спешу, а тебе теперича спешить и некуда.

Годиныч встал и бросился в бой. Ругаться и то перестал, пыхтел только. Кощей тоже молчал: вряд ли дыхание берег – скорее, смысла в беседе не видел. Стремился измотать поединщика, потом и выспрашивать продолжит. Хватило того ненадолго, вскоре отступил, тяжело дыша и потом обливаясь. Кощей отдыху не дал, пошел вперед, последних сил лишая, а когда соперник, поскользнувшись на траве, на колено припал, размахнулся, ударил своим по мечу Годиныча и перерубил клинок пополам.

– Ах ты волчья сыть!.. – захрипел тот.

Ничего не ответил Кощей на оскорбление, лишь рукой повел. Сразу отросли у дерева, на котором Влад сидел, ветви длинные да гибкие, совершенно для дуба не свойственные. Вмиг дотянулись они до Годиныча и оплели, к стволу прижав.

– Почто не убиваешь?! – закричал тот. – Уж я бы тебя не помиловал!

– А зачем? – спросил Кощей и покачал головой, будто дивясь его глупости. – Обиду ты нанес мне большую, спорить не стану, но и показал, с кем я едва не породнился. За науку убивать я не привык. К тому же мертвый ты мне о князе не расскажешь, а я все знать хочу. Да и девице теперь идти вроде как не за кого.

Как только сказал, Настасья выпью завопила, бросилась к Кощею и повалилась ему в ноги. По пути чем-то на ладонь брызнула, нюхнула – Влад то отчетливо видел, пузырек запечатанный болтался у нее на шее, – и полились из глаз горючие слезы.

«Луковый сок, наверное», – решил Влад, а Настасья тем временем запричитала.

Сложно девичьи крики слушать да на слезы смотреть. Даже у князя сердце ныло, если Забава капризничала. Владу сделалось противно, а душу сковала тоска. Кощей же стоял спокойно, кривил уголок губ, ломил левую бровь, если и удавалось понять, что ему неприятно, то только по сильной бледности.

Настасья слезами обливалась, в любви клялась, уверяла, будто не по собственной воле, а силой взяли ее невинность девичью.

Тут уж Влад не сдержался и выкрикнул:

– Врешь! Я высоко сидел, все видел! Могу перед ясным солнцем и синим небом поклясться: не было над тобой никакого насилия!

Настасья вздрогнула, взвыла, вцепилась в колени Кощея еще сильнее прежнего.

– Будто я нуждаюсь в наблюдателях, – поморщился тот и потер висок. – Ты, птенец, сидишь на ветке и сиди себе. Радуйся, что высоко и тянуться мне за тобой лень.

Влад аж каркнул от этих слов.

– А ведь злокозненная черная птица правду сказывает, – все так же спокойно произнес Кощей, обращаясь к Настасье. – Кем бы ты была у Годиныча в тереме? Бабой далеко не боярских кровей. А я сделал бы тебя царицей.

Настасья принялась волосы на голове рвать – одной рукой, второй еще сильнее в ногу названного суженого вцепившись. Кощей с тяжелым вздохом выслушал и про «сокол мой ясный» и про «свет в оконце»; пальцы, в штанину вцепившиеся, оторвал и проронил:

– Оставь в покое волосы, мне жена с тонкой косицей без надобности.

Влад снова каркнул. В сердце словно каленая стрела вошла. Эдакую змею подколодную в царицы? Не бывать такому! Неважно сделалось, что Кощей ему никто по крови, а чародеев по земле много ходит, какой-нибудь в наставники да отыщется. Все неважно перед настолько вопиющей несправедливостью.

– Да как ты можешь?! – закричал он изо всех вороньих сил. – Видишь же, с кем век прожить собираешься! Зачем?!

Ничего не ответил Кощей: спиной к дереву повернулся, рукой повел, и выткался прямо из воздуха шатер, украшенный красным сургучом, черным бархатом да златом с серебром.

– Идем, – усмехнулся он, подхватил Настасью на руки и понес к шатру.

Владу подумалось: в тот же миг, как упадет за ними полог, он и сам грохнется с ветки на землю. Сердце в груди совсем раскалилось, того и гляди воспламенится и обратит ворона в феникса, однако никогда не возродиться ему из пепла.

– Не бывать тому! – выкрикнул Влад. – Не будешь ты с ней счастлив, Кощей! Погибнешь!

На краткий миг показалось ему, будто докричался, объяснил. Кощей на землю Настасью поставил, обернулся. Глаза нечеловеческими у него сделались, запылали синим огнем, а затем прямо средь ясного дня засверкало, раздался раскат грома, сорвалась ветвистая молния и ударила по дубу, да только не по нему самому, а угодила в ворона. Вроде бы и случилось все за одно мгновение, но то, как несется на него небесное пламя, Влад разглядел во всех подробностях, даже подумать успел: «Ну и пусть. Чему быть, того не миновать».

Огонь опалил бы его, пеплом разметал, не оставил бы ни косточки, однако Влад не ощутил ни боли, ни жара, только испугаться и успел. Белая вспышка ослепила на мгновение, а потом прямо перед глазами возникла преграда из синих и серебряных искр, отразила молнию. Отскочила она, ударила в грудь Кощея, пошатнулся тот и как подкошенный повалился на землю.

«А Настасья цела. Лучше бы ее!» – мелькнуло в голове у Влада. Он застыл на ветке, не в силах даже дышать, лишь смотрел на распростертое тело и слушал.

– Действительно змея подколодная, – прошептал Годиныч. – Что ж, отвязывай меня, – сказал он уже громче, – все равно делать тебе больше нечего.

Настасья вздохнула, поглядела на шатер, подняла валявшийся недалече обломок меча Годиныча – к мечу Кощея, видать, прикасаться побоялась – и подошла к дубу. Только она примерилась к веткам – те вздрогнули и сами расступились, выпустив пленника.

– Знаешь, – сказал Годиныч, отойдя от дерева и потирая руки, – был я в граде стольном Константинополе, дивился на храмы высокие с золочеными куполами. Привечали меня люди

святые, рассказывали о вере в единого бога: предал его на мучения и смерть один из учеников, а меня еще хуже – жена! – С этими словами выхватил он из рук Настасьи обломок меча и остаток клинка вогнал ей в живот. Вскрикнула Настасья и кулем на землю рухнула.

В тот же миг спало оцепенение с Влада.

Годиныч глянул на шатер, хмыкнул и направился к Кощею. Тут уж Влад не выдержал, сорвался с ветки, сделал круг и бросился Годинычу в лицо. Тот вовремя отпрыгнул и рукой закрылся.

– Не смей! – закричал Влад.

Годиныч кинулся было к Кощееву мечу, но передумал.

– Жаждешь падалью полакомиться, птица черная? – рассмеялся он. – А и лакомись на здоровье, мешать не стану, – и направился к своему коню.

Тот не убежал, топтался между озером и лесом, затравленно кося глазом на вороного жеребца Кощея.

– Ах, хорош! – Годиныч цокнул языком, вороного разглядывая, и было сделал шаг в его сторону, но передумал. – Хозяин твой мертв, собственным нечистым колдовством сраженный. Значит, мне теперь о тебе заботиться. Не обижу тебя, богатырский конь, коли станешь служить мне верой-правдою.

Вороной выгнул шею, всхрапнул, оглядел Годиныча с ног до головы и оскалился. Зубы у него оказались вовсе не лошадиные, а волчьи, глаза же вспыхнули, словно угли.

– С другой стороны, – произнес Годиныч, – от коня врага не жди блага. Оставлю тебя здесь на расправу волкам, – повернулся и быстро-быстро побежал, только каблуки засверкали, к своему коню.

Влад мог бы догнать его, клюнуть в темечко, но не захотел. Себя в смерти Кощея он винил всяко больше, нежели этого богатыря с насквозь прогнившей душой.

– Прости меня, – обратился он к Кощею, – если б мог, всю кровь отдал бы до единой капли, только бы ты ожил.

Вначале Влад решил, будто ему почудилось: грудь шелохнулась. Подпрыгал ближе, прижал голову к коже напротив сердца и ощутил неровный, словно неуверенный, стук.

– Почто мне кровь твоя, птица злокозненная? – прошептал Кощей, пока не открывая глаз. – Воды принеси напиться.

– Я мигом! – воскликнул Влад, не веря собственному счастью, и бросился к ручью. Впервые пожалел, что человеческое тело в тереме почивает. Сейчас перекинуться бы! В ладони воды много больше войдет, нежели в птичий клюв, однако делать нечего.

Носился Влад до самого заката от распростертого на земле Кощея до ручья и обратно. Усталость ощутил, лишь когда тот приподнялся на локте.

– Довольно, – произнес Кощей, и у Влада тотчас кончились все силы, словно не воду носил, а питал того собственной душой. Лапы подогнулись, но он вовремя взмахнул крыльями, удерживая равновесие.

– Устал? – поинтересовался Кощей равнодушно.

– Нет, – хрипло прокаркал Влад. Казалось, немощь, сковавшая недавно человеческое тело, переселилась и в птичье.

– Тогда перебирайся на плечо и пойдем. Охота мне посмотреть, какие гадости ты устроил, – велел Кощей, и Влад не решился перечить.

Крылья не подвели, но голова закружилась. Когтями в плечо слишком сильно вцепился, боясь упасть, и, похоже, пропорол вместе с одеждой и кожу. Кощей лишь фыркнул на это.

Глава 3

Раньше Влад и подумать не мог, будто человек способен так смердеть. Стоило приблизиться к телу Настасьи, отвратный запах испражнений забил нос. Обрубок меча по-прежнему торчал из ее живота, вокруг натекла зловонная темная кровь, казавшаяся черной. Влада с плеча Кощея словно невидимая сила сняла и под ближайший куст бросила.

– Давно на свете живу, а ни разу не видел, чтобы вороны клювы воротили от падали, – заметил Кощей. Голос хриплым и злым показался, смешок ударил в спину, будто камень.

– Послушай!.. – взмолился Влад.

– Уже наслушался тебя вдосталь, помолчи, – проворчал Кощей и оборотился к лесу: – Покуражился я здесь, прими же молодые кости и не держи зла.

Как только договорил, разверзлась под Настасьей земля, вобрала тело да впитала кровь. Владу почудилось, будто повис в воздухе звериный вой, но тотчас стих. Прямо перед Кощеем закружился небольшой вихрь, положил траву, а пыль поднял. Не прошло трех ударов сердца – очутился возле него старичок, волосами заросший, бородой до пят достающий, в облачении из веток и листвы.

– Щедрый подарок, – проговорил он, скрипучим голосом, от одного звука которого у Влада сердце замерло, а по крыльям будто ледяной иглой провели. – Молодая баба, уд узнавшая, да срок не доходившая. Ай, щедр ты, царь, на подарки.

Кощей и бровью не повел.

Старичок ему в ноги поклонился, бородой землю подмел, крякнул по-утиному и нехотя спросил:

– Может, чего нужно-надобно?

– Птенца неразумного видишь? – Кощей качнул головой в сторону Влада и приказал: – Привечай, в обиду не давай ни человеку, ни птице, ни зверю.

– Чтобы в моем лесу да на птицу вещую и оборотня сильного кто позарился? – старичок аж руками всплеснул. – Напраслину возводишь, Кощей!

– Предупреждаю.

– Мне уходить отсюда не хочется, места больно славные, а уж если сам ты за мальчишку дурного вступаешься, то… – Видимо, слова у старичка закончились, он лишь сильнее заплескал руками и замотал косматой головой. – Уф-фу-фух!..

Перья у Влада сами собой встопорщились. Карканье вырвалось из клюва помимо воли.

– Хорошо. С этим выяснили, – произнес Кощей, внимания на него не обратив. – Убийцу отпустил?

– Обижаешь, – вздохнул старичок. – Не люблю тех, кто руку на слабого поднимает. Ворог твой, почитай, третий круг уже по тайным тропам наворачивает. Сам из лесу не выйдет, эй-ей!

– Третий? – усмехнулся Кощей, Владу ничего не сказал, но протянул руку. – Самое время.

Тот взмахнул крыльями, прыгнул в воздух, аккуратно уселся на локоть Кощея, перебрался на плечо и с трудом отогнал желание спрятать голову под крыло. Если бы умел в вороньем обличие, краской бы залился от клюва до хвоста.

Старичок усмехнулся:

– Что, паря, стыдно?

– Очень, дедушка, – признался Влад со всей искренностью, на какую только был способен.

– Годков тебе сколько, птенчик?

– Когда осень в зиму ступит, перейду и я порог совершеннолетия. – Лгать Влад не решился, да наверняка и не смог бы: не в птичьем обличии.

– Угу-угу, – покивал старичок. – А силу давно ли впервые почувствовал?

Влад вздохнул.

– Смотря что считать за проявление силы, – ответил за него Кощей, прерывая поток расспросов.

Старичок снова покивал и крякнул уважительно, а потом прямо глянул ему в глаза и произнес:

– А ты, значит, не уследил, царь? Думал ждать до егошнего совершеннолетия. Эх, заигрался ты с людьми, а свое проворонил…

Влад вздрогнул – от Кощея будто повеяло зимней стужей. Он опасно сощурился и рявкнул, впервые возвысив голос:

– Сгинь с глаз моих, Леший!

Встала столбом пыль, скрыла старичка, а затем обернулась слабым вихрем, развеявшимся почти сразу.

– Теперь с тобой, – потревоженным змеем прошипел Кощей.

Влад вздохнул, готовый наказание принять, но не удержался и спросил:

– Почему замолвил за меня слово? Я думал, ты знать меня не знаешь и видеть не хочешь.

– Возможно, и не захочу впредь, – сказал Кощей. – Меньше языком молоть и клювом щелкать требовалось.

– Но я же правду сказал! – с горечью в голосе выкрикнул Влад.

– Правду?!

Кощей ухватил его за лапу, с плеча сдернул, сжал в руках, притиснув крылья к телу, – ни вырваться, ни дернуться, ни вздохнуть глубже разрешенного – заглянул пристально в глаза, и Влад понял, что и отвернуться не в силах. Взгляд Кощея снова горел синим огнем.

– Я живу на свете значительно дольше тебя, – вкрадчиво произнес тот. – Познал и горе, и науки великие, полмира прошел, остальной пролетел или проплыл. Ты в сравнении со мной даже не птенец, едва вылупившийся, а яйцо.

Влад щелкнул клювом, неожиданно легко сбросив оцепенение и не испытывая ни малейшего страха, хотя Кощею требовалось лишь сильнее сжать пальцы – и не стало бы ворона. Чуть нос не размозжил: Кощей вовремя отстранился.

– Все еще считаешь, будто я людской природы не разумею? – спросил тот, предпочтя не заметить выходки.

– Не разумеешь… – прохрипел Влад. Еще мгновение назад он боялся, а теперь нет. Сердце перестало разрывать грудную клетку, а в голове возникла мысль, окончательно примирившая с действительностью: все равно идти ему отсюда некуда и не к кому.

Кощей посмотрел на него еще некоторое время для острастки и громко расхохотался.

– Шею бы тебе свернуть! – сказал он уже не таким ледяным тоном, как раньше, и Влад понял, что гроза так и не разразилась над ним в этот раз.

– Уже пытался, и ничем хорошим это не кончилась, – буркнул он, хотя следовало бы язык прикусить и не каркать.

– Дерзкая тварь, – оценил Кощей и не рассердился. – Да разве ж я, если бы захотел, не избрал бы в жены кого получше?

Влад промолчал.

– Нельзя мне было уходить из Киева, а князь творил ради этого все возможное, на беззаконие пошел, – пояснил Кощей. – Оттого и выбрал я девку гулящую: Дмитрий мне за то сапоги языком вылизывал бы, а смотря на него, поднялось бы за меня все купечество. Мне ж Годиныч этот не ровня ни разу, я б его в путах на княжий двор привез и заставил князя устроить суд над ним, а затем и самого ответ держать. Мне даже соитие сие на руку было, поскольку понесла бы Настасья мальчонку и радовалась бы до смерти, что я принял его, зная точно, кто отец. Разумеется, сама бы она правду в тайне держала, а заодно всем киевским клушам рты позатыкала на предмет моей несостоятельности. И только ты, птица вещая, злокозненная, ревнивая, все

разрушил. Знал бы, что столько гадости от тебя пойдет, не собирал бы ту чашу и не охранял бы самого все это время! Уморил бы тебя князь со своими волхвами, и поделом! – Размахнулся Кощей и швырнул Влада о землю, да только та приняла его мягко, словно перина, – даже камень, попавшийся под крыло, не покалечил.

– Я не отрицаю своей вины! – закричал Влад. – Не мог я иначе!

– Пророческий дар у мальчишки, выросшего в Киеве? – Кощей снова рассмеялся, только на этот раз зло. – Да в жизни не поверю!

– Так я и не киевлянин же! – воскликнул Влад. Ему оставалось радоваться лишь тому, что птицы не умеют плакать. Перед глазами так и вставало лживое лицо Настасьи. Собственной слабины Влад не вынес бы уж точно. – Ведь говорил я, какого рода-племени! А ты… не слушал?

– Неважно, – отмахнулся от него Кощей. – Может, и хотел ты как лучше, но защиту мою против меня же обратил, а планы порушил. Правда, потом помог, но вот за это я тебя и не трону. Не попадайся на глаза больше – не помилую! – Развернулся он, вскочил на коня, так дал ему шенкелей, что вороной аж присел, а затем прыгнул вперед да почти сразу же исчез из виду.

Влад сам не понял, как в небо сорвался. Он летел быстрее стрелы и видел многое. Видел: Кощей настиг Ивана Годиныча и в короткой схватке отсек тому голову. Видел пожар в Киеве – то горели ладьи с серебряными боками, не под парусами по морю-океану ходившие. Видел дружинников княжеских, ломавших двери в Кощеев терем. Долетел Влад до оконца в свои покои, а ставни не просто закрыты – заколочены, и в доски натыканы острые гвозди.

«Вот и возмездие, – решил было он, – теперь мне не только к Кощею не приблизиться, но и не стать больше человеком».

Собрался уже обратно в лес лететь (нехорошо птицам в городе, за ради лишь развлечения всякий может бросить камень или стрелой убить), да отворилось соседнее оконце. Нянька в него высунулась, помахала красным платком. Влад влетел в терем, не задумавшись ни о силке птичьем, ни о том, откуда нянька прознала о его личине, кинулся к своему человеческому телу. Тотчас растворился ворон в воздухе, а сам Влад глаза открыл.

Нянька присела рядом, помогла голову поднять и чашу к губам поднесла.

– Зря ты во плоти не перекидываешься, – прошамкала она едва слышно, только по губам слова разобрать и вышло. – Умеешь же.

Влад качнул головой.

– Умеешь, – настаивала нянька, – но ленишься. Лучше подумай о том, что, если бы я не впустила, мыкался бы птицей три дня, а потом тело бы твое бездушное умерло, а после погребения – и ты сам.

Влад вздрогнул.

– Откуда тебе знать, нянюшка?

Та лишь фыркнула.

– А кто тебя растил, от колдовских взглядов волхвов княжеских прикрывал, как думаешь? Я из-за тебя только и живу в Киеве вот уж скоро полвека.

– Но мне и восемнадцати нет… – возразил Влад.

– Как будто это что-то меняет, – проворчала нянька. – Ты пей, пей. Питье терпкое, на травах настоянное, силы вернет, потраву из крови выгонит. А что до полвека, то нашелся один… Вещий. В избушку ко мне явился и сказал: «Пройдет тридцать лет и три года, отдам сына третьего, младшего, киевскому князю. Ему щитом быть тому, кто Русь-матушку от скверны византийской сохранит. Даже если придет та на Русь, все равно наша брать будет: сами ее исказим, а не наоборот, как ворогами задумано. Так вот ты его и храни, пока в силу не вступит».

Влад чуть питьем не подавился.

– Олегом его звали. Слышал, поди?

– Еще бы не слышать, – прошептал он и все же закашлялся. Припомнилось тут, как он с Кощеем повздорил, и стало на душе горько и муторно.

– Чего побледнел, соколик? – фыркнула нянька.

– Какой я тебе, нянюшка, соколик? Сама же видела: птица черная, злокозненная, лишь гадости делать гораздая, – проговорил Влад.

– Кто ж тебе сказал чушь такую?

– Тот, кого я невзначай обидел.

– Как рассорились, так и помиритесь, – сказала нянька уверенно и рукой махнула. – Ты спи лучше и запомни крепко: летать тебе теперь только во плоти можно, чтобы по желанию в человека оборачиваться, иначе беды не миновать: сам погибнешь и всех, кто тебе дорог, сгубишь следом. Не я же ставни затворила и заколотила, сам понимаешь. Волхв княжий приходил, почувствовал что-то, змей подколодный.

– Не умею, нянюшка.

– Зато знаешь, – с еще большей убежденностью ответила нянька и положила костлявую руку ему на грудь напротив сердца. – Вот здесь ведаешь.

Хотел Влад возразить, да не успел: глаза сами закрылись, и сон завладел им без остатка. Ничего на этот раз он не видел, никуда не летал. Окружала Влада лишь тьма кромешная: теплая и ласковая.

Долго болел Влад, да тело молодое и отвары нянькины поставили его на ноги. Через месяц снова стал брать меч в руки, еще через два – одерживал верх против трех поединщиков. Глядя на это, князь опять разговор о вступлении в дружину завел, но Влад на этот раз не говорил ни «да», ни «нет», твердо решив уйти из Киева, дождавшись праздника совершеннолетия. Только перекидываться во плоти у него так и не получалось.

– Птицей призрачной сколь угодно по чужим снам летай, а в Явь не лезь! – каждый раз напутствовала его нянька. – Призрачное тело тебе вовсе не для этого мира дадено.

Со снами тоже не все хорошо было. Князь и в грезах ночных власть свою укрепить мечтал, хотел стать таким же, как император византийский, строил коварные планы по ослаблению больно вольнодумных бояр да вел расчеты по прихвату денег у купцов зажиточных. Бояре больше о собственной мошне пеклись, до самого Киева не было им никаких дел. К волхвам Влад лезть опасался. Кощей же его словно отшвыривал от себя: стоило Владу, находясь во сне, о нем лишь подумать, просыпался тотчас с больной головой и сосущей пустотой в груди.

С оборотничеством не выходило у Влада вообще ничего. Сколько раз нянька над ним потешалась, заставая, как он кувыркался через голову!

– Ты ж не волк, а птица! – повторяла постоянно. – Сказки вспомни: ударился сокол оземь…

– И набил шишку, – с этими словами Влад поднимал со лба челку и показывал темный синяк. Нянька тотчас кидалась замазывать кровоподтек чем-нибудь жирным, темно-зеленым и пахучим.

– Глупый, – упрекала после. – Он же из птичьего обличия в человеческое оземь кидался, а не чтобы перьями обрасти.

* * *

Прошло несколько месяцев. Жаркое лето сменилось золотой осенью, затем зарядили дожди, с каждым разом становившиеся все холоднее. Листья с деревьев облетели, превратив голые веточки в переплетения черных нитей паутины чудовищного паука. Небо заволокло тучами, через них едва-едва просвечивал солнечный диск. Ночи становились все длиннее. В день Владова совершеннолетия выпал первый снег, а мороз сковал землю.

– Вот ведь угораздило родиться в предзимье, когда все живое умирает и засыпает, к холодам готовясь, – ворчал князь, в шубу соболью наряжаясь. Он мог бы закатить пир да тем

и ограничиться, однако традиции соблюдал: то ли по собственному почину, то ли отец Влада наказал провести ритуал по всем правилам, наверняка припугнув чем-то.

– Чужак, – вторил князю дородный боярин с бородой по пояс. – У нас по большому счету все весной нарождаются, аккурат опосля Купалы, а этот – в глухой час Кощеев.

Не то чтобы Влад нарочно подслушивал эти разговоры, просто так выходило. То ли случайно, то ли волхв какую порчу навел.

Наверное, раньше, год или более назад, Влад расстроился бы, постарался бы выслужиться, хоть как-нибудь стать «своим»; может, даже пошел бы в дружину. Ведь не врагом для него был князь, да и бояре – тоже. Дружинники старые, много битв прошедшие, ратному делу обучали, волхв младший – грамоте и счету, еще и о давних временах рассказывал. Не считал Влад их чужими для себя, а они его – да, и с каждым годом все явнее. Только слишком многое стряслось с ним в последнее время. С тех пор как разругался Влад с Кощеем, поселилась под сердцем у него глухая тоска. Все опостылело, словно проклял кто (возможно, действительно проклял).

– Совсем бледным ты стал, соколик мой, – поговаривала нянька, помогая в тулуп обрядиться, – а глаза горят. Не появилось ли зазнобы сердечной? Ты смотри, после ритуала князь обязан просьбу выполнить, какой бы та ни была.

– Не появилась, – отвечал Влад. – А просить я свободы стану. Мне лишь тебя оставлять жаль.

– А ты за меня не пужайся, – отмахнулась нянька. – Меня избушка заждалась, да и собственных дел накопилось…

Племянница княжеская, Забава, задержала Влада уже в дверях. Обрядилась девица в красный сарафан, на голове пристроила кокошник, самоцветами украшенный, на шею навесила несколько жемчужных нитей, а серьги в ушах из каменьев и бисера спускались, задевая плечи.

– Какая ты сегодня красивая, – обронил Влад не лести ради, а потому, что была Забава чудо как хороша сейчас.

– Для тебя старалась.

Влад удивленно поднял брови. Он последние полгода ее и не замечал: сначала болел, а затем совсем не до кого сделалось. А вот в детстве они, бывало, играли вместе. Еще Забава любила смотреть на то, как он мечом махал против нескольких дружинников и через заборы на коне перемахивал.

– Чем же я заслужил такое внимание?

Забава покраснела слегка, затем ухватила его за рукав и потянула в темный угол.

– Ты, когда ритуал пройдешь, проси у князя мою руку.

Влад на мгновение лишился дара речи.

– Так-то он ни за что меня не отдаст, – заверила Забава, – но отказать при богах не посмеет. А я за тебя пойду, не сомневайся даже, – добавила она и обольстительно улыбнулась. – А как свадьбу справим, станешь ты не просто дружинником – богатырем сделаешься, а то и боярином.

– Я намеревался просить у князя свободы, – возразил Влад.

– Зачем просить того, что и так будет? – удивилась Забава. – Ты ж дитя залога. Сызмальства в Киеве жил, приемным сыном князя считался, но вот сегодня срок твой вышел, теперь и о себе подумать не зазорно: как жить, свое гнездо вить.

Что-то неправильное слышалось в ее словах. От этого неправильного все в груди переворачивалось, словно его в клетку заманивали.

– А если я не желаю оставаться в Киеве? – спросил Влад.

– Как это?! – воскликнула Забава. – Ты ж все и всех здесь знаешь. Мы, почитай, тебя вырастили. Да кому ты на чужбине нужен?

Ничего не ответил Влад, только осторожно разжал вцепившиеся ему в рукав пальцы.

– Ты смотри, – не унималась Забава, – не просто так говаривают: хорошо там, где нас нет. Может, и влекут тебя странствия, да то лишь кажется! Здесь ты вырос, значит, здесь и останешься! Все люди так живут, и ты…

Влад повернулся к двери и вышел вон. Говорить «нет» он не решился: не привык отказывать девицам, да и не хотелось обижать Забаву. Если все пойдет по задуманному, то сюда он уже не вернется. Как отпустит его князь, обратного хода не будет, а потому под старым дубом приготовила нянька Владу узелок. Единственное, о чем он жалел, – коня взять не выйдет. С другой стороны, в лесу да по зиме с ним ведь одна морока.

Глава 4

На поляне горел большой костер. В черное непроницаемое небо летели оранжевые искры и тухли. Казалось, не небо то вовсе, а вода колдовская; мир же перевернулся, и ходят люди вверх ногами, а сами – утопленники. Влад аж головой замотал: слишком уж явно представилось. Не к добру перед взором богов подобные мысли.

Вышел он к костру, тулуп скинул, оглядел застывший вокруг люд. Князь и бояре стояли поближе к огню. Хоть уже и вконец упарились в своих шубах, раскраснелись, будто раки в кипятке, а отойти или раздеться не решались: стремились на виду у богов быть и боялись достоинство свое уронить перед простым народом. За ними толклись купцы, позади – горожане зажиточные и прочие. Чуть ли не все мужики Киева собрались, за городской стеной остались лишь бабы, девки, дети, старики да дозорные.

От Влада многого не требовалось: поклониться четырем сторонам света, подойти к костру поближе. Волхв камлал бы с минуту, голосами птичьими и звериными покричал, затем ждать принялись бы: тот зверь или птица, которая из лесу голос подаст или покажется, и будет взрослым тайным именем. До середины ночи сроку, но коли не покажется никто, нарекут Морозом – время-то на зиму повернуло. Мало ли на Руси всяких Яромиров, Морозов и прочих ходит?

Ничего страшного Влад в том не видел: сам-то он знал, кто таков есть. Душа у него черная, зато крылатая, не изменить этого никаким прозванием, не в силах то сделать ни человек, ни зверь, ни птица, ни гад морской, ни бог, ни сам Влад. Зато с этих пор посчитают его родившимся для взрослой жизни и боги, и люди, и предки ушедшие. Станет он наконец свободным и самому себе хозяином.

– Остановись! – Голос главного волхва, Златоуста, прогремел, когда до первых языков пламени оставалось не более трех шагов. Влад застыл не столько из почтения, сколько от неожиданности: не бывало раньше такого, чтобы ритуал прерывали.

Волхв подошел к Владу, за плечо его ухватил и от костра отбросил:

– Прочь!

Народ зароптал.

– Не нужно ему ни тайное имя, ни благословение наших богов, ни слово княжеское! Не просто так собачий вой по всему городу идет уж третий день, а вороны облепили все маковки. Давно заприметил я колдуна злого, в Киеве промышляющего. Из-за него мор средь курей пошел, а у коров молоко скисло прямо в вымени. Только не думал я, будто ворог притаился в княжьем тереме, – и глянул так, что Влад отступил еще на шаг. Не было у Златоуста больше глаз человеческих, из них смотрела на Влада гладь колдовского озера, очень похожая на то, что заволокло небо, а в глубине мертвенно-болотные огни мерцали и заманивали.

– И то верно! Зачем чужаку благословение наших богов? – выкрикнул кто-то, и наваждение тотчас развеялось. Увидел Влад напротив себя страшного всклокоченного мужика, а вовсе не потустороннее чудище: дышать сразу стало легче, да и оторопь пропала.

– У него наверняка свои имеются! – поддакнул дородный купец, стоявший недалече от волхва.

Глянув искоса, рассмотрел Влад улыбку, растянувшую губы князя. С торжеством тот смотрел, довольный случившимся. Наверняка именно он подговорил Златоуста учинить гнусность.

«Странно лишь, что волхв послушал, прогневить богов не испугался, – подумал Влад, – или действительно заподозрил колдовство черное?»

– Чужак, прости хосподя, – прибавил еще кто-то, перекрестился и сплюнул под ноги.

На него тотчас зашикали: кто-то развернулся и дал в глаз охальнику, посмевшему оскорблять богов родных обращением к чужому византийскому божеству, но ни Владу, ни волхву не было до возникшей в задних рядах драки никакого дела.

– Ничего дурного я не творил, – ответил Влад.

– Но силу колдовскую отрицать ведь не станешь?

Имелся в том вопросе немалый подвох. Скажи Влад: «Буду отрицать», Златоуст найдет способ заставить его проявить себя, а там быстро на лжи поймает и вмиг припомнит все злодейства, произошедшие в Киеве за год, а то и раньше. Затем в голове всплыли слова Кощея, и Влад, выдохнув с облегчением, произнес:

– Если и есть во мне сила, то с волховской она не связана – не колдун я, в том ручаюсь.

– Зато оборотень, – волхв насупился, широкие кустистые брови сошлись на переносице, и от его фигуры повеяло стылым холодом, словно из могилы, хотя стоял он по-прежнему напротив костра.

Однако вместо страха, на который Златоуст наверняка рассчитывал, ощутил Влад ярость. Та сама собой в груди вспыхнула, озноб отгоняя. Может и лишил его Кощей своей защиты, но в лесу он находился под охраной Лешего.

– Ни разу, Златоуст, не ловил ты меня за руку, – ответил Влад с обычно несвойственной ему дерзостью. – Так и не наговаривай!

– Назови мне имя свое истинное! Чародеи его при рождении получают и забыть не могут! – потребовал тот.

Словно прозвенело в воздухе, ледяной ветер продрал до костей, тонкая рубаха на груди заиндевела, но на том все и кончилось. Не было такого, как с Кощеем в детстве: не только выпаливать не подумав, но и желания не возникло сказать заветное имя.

– Раз промолчал, то ошибся ты, Златоуст. Нет у него тайного имени и не было никогда, – произнес князь. – Оставь мальчишку в покое, а ты, Влад, не держи на нас зла. Ты ж мне, почитай, приемный сын.

– Ошибаешься, князь!

Не случалось раньше такого, чтобы Златоуст князю перечил. По толпе снова ропот прошел.

– То означает – вошел ворог чужеземный в полную силу. У них не как у нас: не с божественного благословения дар исходит, а потому что время проявиться ему наступает, начало берет он от черной душевной сути! – воскликнул волхв, бородой тряхнув и кулаки стиснув.

Влад чуть не каркнул, словно находился в птичьем, а не в человеческом обличии.

– Ты, волхв, наверняка можешь меня одним взглядом в бараний рог скрутить, – проговорил он гневно. – Да только оскорблять себя я не позволю никому!

– Ты никак хочешь силами помериться? – нехорошо прищурился Златоуст.

Похоже, того он и добивался.

– Нечем и незачем мне с тобой мериться! – ответил Влад. – Но имя свое доброе отстоять мне теперь необходимо, так ведь?

«Вот же дурень…» – прошелестело-прозвенело в воздухе.

– Так, – кивнул волхв, и на губах у него заиграла тонкая самодовольная улыбка, будто хотел он именно этих слов. Расставлял словесные силки, сплетал западню, а Влад и вступил в нее обеими ногами.

– Тогда назначай испытание, Златоуст, – чувствуя, как шагает в пропасть, произнес Влад. – Коли пройду, все твои оговоры мороком рассеются и больше не станешь ты заступать мне дорогу и козней строить, иначе покарают тебя боги.

Улыбка у волхва растянулась еще шире.

– Ну смотри… – прошипел он и закричал громогласно: – Слышал ли ты, народ честной, принимаешь ли сии условия?

Раздался одобрительный гул. Златоуст поклонился князю:

– Согласен ли ты, отец родной?

– Согласен, – откликнулся тот.

– В таком случае, Влад, сын Олега, держи ответ перед самими богами, – бросил волхв и отошел в сторону. – Ступай. Пройди через пламя. Коли прав – не погибнешь.

«Как все же интересно судьба складывается, – подумал Влад, – только недавно думал ведь о сгорании».

– Видать, суждено ворону стать фениксом, – молвил он тихо.

Страха Влад не испытывал. За эти полгода так себя измучил, что погибель прельщала отдыхом. А еще он пообещал себе: если все же выживет, то отправится искать Кощея, пусть даже в Хрустальный дворец за реку Смородину в Тридевятое царство, кинется ему в ноги, и пусть либо простит и в ученики примет, либо отсечет голову.

Пламя жглось, пока вплотную к костру подходил, потом перестало, только слишком уж ярко сделалось вокруг. Прошел Влад от силы пару шагов и вышел с противоположной стороны костра – прямо в черные стволы голых деревьев уперся взглядом. Одежда на нем сгорела, а сам он оказался невредимым. Обернулся он кругом, различил сквозь языки пламени испуганное лицо волхва, но не спешил радоваться: уж больно мертвенный взгляд был у Златоуста, и без того тонкие губы сжались в ниточку.

Младший волхв обежал костер по дуге и накинул Владу на плечи волчью шубу длиной до земли.

– Наготу прикрыть да согреться, – бросил он хрипло и зло.

– Иди сюда теперь, – позвал Златоуст мертвенным голосом.

Влад подвоха не заметил, обогнул огонь и только тогда понял ошибку, когда волхв снова улыбнулся.

– Дурак, – усмехнулся тот. – Остался бы там, где стоял, – пламя тебя защитило бы, а теперь не взыщи.

– Я же доказал! – голос неожиданно сорвался.

– То, что зла не приносил, – да, – согласился волхв. – И я тебе ничего плохого не сделаю. Только ведь, будь ты человеком обычным, сожгло бы тебя пламя, во плоти объяснялся бы с богами. Потому силу в себе ты доказал тоже.

Влад вскинул подбородок повыше, он почему-то очень мерз в шубе, хоть и по-прежнему стоял возле костра.

– А силу скрывать – смертное преступление, – продолжал волхв, – перед князем!

Тотчас после этих слов вышли вперед дружинники, натянули луки, наложили стрелы на тетивы.

– Прощай, Влад-Ворон, – прошептал Златоуст и отошел подальше.

«От стали лесу не защитить, птицей от каленой стрелы не скрыться, – подумал Влад, пропустив меж ушей обращение. Сам он истинного имени волхву не называл, а догадка силы не имеет. – Значит, судьба такова».

Он не стал закрывать глаза – посчитал это трусостью. Отблески огня плясали на стальных наконечниках и отчего-то казались зеленоватыми, словно болотные огоньки. Князь уже руку поднял, как только опустит – сорвется с тетив смерть. Пятеро лучников еще способны промазать, но двадцать – никогда. Да даже если случится невозможное и Влад будет лишь ранен, все равно не уйдет – добьют.

Внезапно возникло какое-то шевеление в задних рядах. Мужики загомонили и бросились врассыпную. На поляну вынесся гнедой конь с мальчишкой на спине.

– Беда! – орал он тонким срывающимся голосом.

Князь, на это глядя, руку опустил, но никто не выстрелил: всадник маячил точно между Владом и лучниками.

– Княжий терем горит! – продолжал орать мальчишка, не дождавшись дозволения слова молвить и даже не обращаясь к князю уважительно, как предписано правилами. Конь под ним ходил кругами, змеил шею и козлил. По всему выходило, стряслось действительно что-то доселе невиданное, а то и неслыханное. – Как ушли все, налетел на нас Кощей Бессмертный! Терем подпалил, челядинцев разогнал! Княгиня в одной рубашке на улицу выскочила! А Забаву, как улетал, он с собой прихватил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.